

Г. В. Судаков

**НАЗВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕЙ УТВАРИ В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ XVI—XVII вв.**

В понятие «посуда» в русском языке XVI—XVII вв., судя по показаниям письменных источников, входили столовые сосуды, поваренная или кухонная посуда и посуда погребная, в

¹⁶ Чешско-русский словарь, т. I. М., Прага, 1976, с. 515.

¹⁷ Булыка А. М. Даунія запазычани.., с. 223.

которой хранили готовую пищу и столовые запасы. Знатные люди, как свидетельствуют описи имущества, пользовались посудой, разнообразной по внешнему виду и назначению. О посуде простолюдинов некоторое представление дает описание Московского государства в рукописи конца XVII — начала XVIII вв., см.: У простаго тамошнего народа домовная посуда зело мала есть, и мало у них бывает, болши немногих горшкѡвъ да нескольких деревянных или глиняных блюд и сковород; олова же тамо мало употребляют, також и серебряных судов немного, кроме винных да медвяных чаръ (Срезн. Опис. рук. 461).

Названиям столовой посуды была посвящена работа Н. М. Ванюшина¹, названия поваренной посуды изучены меньше², в частности, на широком материале письменных памятников разных территорий России они не исследовались. Этим обстоятельством и определяется выбор темы данной статьи — названия русской «поваренной» или кухонной посуды XVI—XVII вв.

Кухонная посуда предназначалась для приготовления пищи. Она получала наименования по внешнему виду, материалу, содержанию и т. д. Рассмотрим эти названия в порядке, соответствующем степени их употребительности в речи и значимости в процессе приготовления пищи: посуда для приготовления первых блюд и напитков (горшки, котлы), посуда для приготовления вторых блюд (сковороды и под.), черпаки.

В старорусский период активно функционируют слова, входящие в корневое гнездо, связанное с праславянским **gъrnъ*, от которого зависело формирование всей совокупности названий гончарной посуды. В русском языке XVI—XVII вв. основное название — *горшок* 'глиняный или металлический сосуд с широкими круглыми боками, для приготовления или хранения пищи и съестных припасов'. Слово *горшок* впервые отмечается в Геннадиевской библии 1499 г., характеризуется

¹ Ванюшин Н. М. Лексико-семантическая группа наименований сосудов для черпания и питья жидкостей. (По памятникам письменности XVI—XVII вв.). — УЗ МГПИ, 1971, т. 451, ч. II, с. 310—345.

² Упоминания об употреблении отдельных слов находим, например, в работах: Борисова Е. Н. Лексика различной домашней утвари в рязанских памятниках XVI—XVII вв. — УЗ Балашовского ПИ, 1957, т. 2; её же. Лексика Смоленского края по памятникам письменности. Смоленск, 1974, с. 45—66; Козырев И. С. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970 и др.

общерусским распространением. См. примеры: Подельывал.. горшок в поварню въ есьтовную да въ хлебню (Кострома, 1553 г. — Кн. расх. Ипат. м., 127); Делал горшек медяной, болшей (Двин. у., 1559 г., кн. расх. Ник.-Корел. м., № 935 л. 33 — КДРС); Того же дни купили въ вотчину на семью шти варити горшокъ железной (Дорогобуж, 1589 г., кн. расх. Болд. м. — РИБ-37, 66). С XVI в. горшок включается в словари: Гаршок (Сл. 1586 г., 153); Судно въ чемъ каша варит-ся — горшекъ, котликъ (Вейсман, 110).

Тексты XVI—XVII вв. содержат сведения о материале, из которого изготовлялись горшки, и их функциях. Их делали в основном из глины. В горшках готовили пищу, хранили молоко и масло, использовали в качестве крышек к котлам и винным кубам, при иконописных работах и сооружении печных труб. Велика сфера употребления слова в русской письменности той поры: от пословиц до религиозных сочинений, например: Гневливъ з горшки не ездить (XVII в. — Симони. Посл. 91); Старецъ Феодосей горшковъ купил на кринки и на варъ на два алтна (Вологда, 1648 г., кн. пр. — расх. арх. — ВОКМ, № 2167, л. 248 об.); Сотвори члвека сиречь яко скуделникъ скуделу, просто мольть — горшешник горшок (1675 г., Снискание о божестве — Пустоз. сб. 102). Преимущественная сфера употребления анализируемой лексики — деловая письменность и связанная с нею демократическая литература.

Деминутив *горшочек* (*коршечек*) 'небольшой горшок, кухонный и столовый сосуд' наблюдается в письменности с последней четверти XVII в., см.: Старец Федорит... себе оставил в келье 2 коршечка медяные с крышками да блюдцо икряное (Волоколамск, 1576 г., кн. пр.-расх. Иос.-Вол. м., № 1028, 27 об. — КДРС); Куплено стопа оловяная... да горшечикъ медяной съ крышкойю... а дано за стопу и за горшокъ полтина (Дорогобуж, 1600 г., кн. расх. Болд. м. — РИБ-37, 146); А каша была в двух горшечкахъ фарфоровыхъ на одномъ блюде (Москва, 1626 г., свадьба царя Мих. Фед. — Вивл. XIII, 171); Нет ли горшечка попарить кишечка (XVII в. — Симони. Посл. 11). *Горшечек* как эмоционально окрашенное слово употребляется в деловой письменности и фольклоре.

Слова более древнего происхождения *горнецъ*, *гърнецъ*, *грънецъ* (с 1073 г. — Срезн. 1, 616) и *горнъ*, *гърнъ*, *грънъ*, *горънъ* (с 1377 г. — Срезн. 1, 616) употребляются в старорусский период редко, особенно *горнъ*. Арханчный характер

этих лексем проявляется в том, что они отмечаются в текстах произведений богослужебного и проповеднического содержания. С этим связана и их предельно общая, неконкретная семантика 'котел, горшок, чаша, сосуд вообще', ср.: Горнецъ котлу приткнися самъ и сокрушится (1 пол. XVII в. — Сказ. о самозван. 58); На столе стоять горны железные. А в нихъ ставить свечи (1678 г. — Спафарий. Китай, 220).

Одно из древних названий горшка *скудель* употреблялось в памятниках религиозной письменности с XI в. (Срезн. III, 396). В старорусский период встречается редко, исключительно в церковно-религиозных текстах, например: И сотвори человека, сиречь яко скудельник скуделу, еже есть горшешник горшок (1672 г. Списание и собрание о божестве — Ж. пр. Авв. 181).

Котел — общеславянское слово от праславянского **koťelъ*, восходящего к латинскому *catinus, catillas* «блюдо, миска» (ЭСРЯ, 8, 357—358). В русской письменности фиксируется с 1076 г. (Востоков I, 181), регулярно включается в словари, начиная с «Речи тонкословия греческого» (Речь тонк. греч. 29).

Котел — «металлический, кованный или литой, сосуд для варки, кипячения чего-либо, с ушками и дужкой для переноски и подвешивания». Функции котла подчеркнуты в определениях при этом слове: пивной — пивоварный, бражной, затирочный, винный, квасной, варчий — варевой, естовный, поваренный, штяной — штеварной, кашной — кашеварной. Были также котлы воцаные, в котлах варили смолу, селитру. В походы брали путные, то есть дорожные, котлы небольших размеров. Приведем несколько примеров: Благословляю его жену Анну Гарманову дочь... ей же котел меден пивной (1533 г., дух. гр. — Лих. II); Да им жь судов: оловяник, да кружка, да котел пивной, да котел виной... котел естовной (сер. XVI в., дух. гр. — АФЗХ II, 231); Купил... котел штеварной железной дан 3 рубли; куплен котел железной щаной (Волоколамск, 1576 г., кн. пр. — расх. Иос.-Вол. м., № 1028, л. 93 об.; № 6, л. 71 — КДРС).

Котел — общерусское слово, употреблявшееся преимущественно в деловых текстах. Оно имело несколько деминутивов, что объясняется широким употреблением слова в повседневной бытовой речи.

Котелец — *котлец* — древнерусское слово (с 1280 г. — Срезн. I, 1304), в XVI—XVII вв. употребляется редко, см.,

например: 24 зубила железных, котлец железной ветчан (Казань, 1568 г., — Кн. п. Казани, 2); Мережи и котелца и пешни велено розложить на два зимовя (Туруханск, 1636 г. — ЦГАДА, ф. 214, № 52, л. 149).

Котлы малого размера чаще называли *котлик* — это образование старорусского периода, наблюдается в текстах с 1550 г. (ср.: с 1598 г. — Сл. РЯ XI—XVII вв., 7, 382), см.: Котель большой квасной железной...да шесть котликовъ малыхъ (Двин. у., ок. 1550 г., оп. Коряжем. м. — АЮБ П, 640); Котликъ невеликъ медной, въ чемъ патоку греють на олады (Кириллов, 1601 г., оп. К.-Бел. м. — Ник. I, 228); 2 котлика, один въ полтора ведра, а другой въ ведро (Москва, XVII в. — Оп. им. кн. Мстисл., 3); Принесъ котликъ путной меднай, человекъ три будутъ изъ него сыти (Воронеж, 1677 г., суд. — Тр. Ворон. УАК У, 507).

Деминутивы *котлишко* (с 1559 г., ср.: с 1607 г. — Сл. РЯ XI—XVII вв., 7, 382) и *котелок* (с 1639 г., ср.: с 1672 г. — там же, 380) употребляются значительно реже, см. самые ранние фиксации: Делал горшек медяной болшей а пошло в него меди горшок старой медяной да пят котлишков малых медяных (Двин. у., 1559 г., кн. расх. Корел. м., № 935, л. 33 — КДРС); Даль вкладомъ колмогорець Игнатей Ивановъ сын... 5 рублевъ денег за себя да котелокъ весомъ 6 гривенокъ (Двин. у., 1639 г. — Кн. вклад. Ант.-Сийск. м., 36).

В последующие периоды степень употребительности рассмотренных образований изменилась в связи с изменением продуктивности отдельных формантов, сообщающих этим словам значение уменьшительности: *котлец* — *котелец* утратились, универсальной уменьшительной формой стало слово *котелок*, варианты *котлик* и *котлишко* встречаются эпизодически.

Разновидности котлов по размерам в Москве имели специальные названия: *тройчатка*, *четверник*, *пятерик*, см.: Явил романовец Еремей Федоров по романовской выписи котел железной мыльной петерик; Явил Углецкого уезду села Чанцова Тимофей Варфаломейв... 3 котла четвериковых, 4 котла тройчатков; Явил борисоглебец Алексей Яковлев по борисоглебской выписи котел железной четверник (Москва, 1694 г. — Сакович, кн. моск. там., 30, 40, 83). В других источниках подобные названия не обнаружены. Может быть, они носили локальный характер, к тому же являясь специальными терминами московских таможенников.

В зависимости отготавливаемой в котлах пищи или напитков они могли приобретать названия: кашник, квасник и т. п.

Кашник 'котел для каши' отмечается в текстах с 1665 г., см.: Зделали котелники котел медной кашникъ весомъ два пуда (Вологод. у., 1665 г., кн. пр.-расх. С.-Прил. м. — ГАВО, ф. 512, № 59, л. 47); Ананья съ ящички, а жена ево с кашники (XVII в. — Симони. Посл. 77). В национальный период *кашник* 'горшок, в котором варят кашу' отмечается в значительной части русских говоров (СРНГ 13, 153).

Иногда в названии котла учитывается процесс приготовления крепких напитков, например, *седун* 'котел для производства крепких напитков' от *сидеть* 'курить, добывать перегонкою'. *Седун* отмечается с 1632 г., в исторических словарях не обнаружено. См. примеры: Да они же у меня с поварни взяли восемь котлов седунов да шесть кубов (В. Устюг, 1632 г., явка — АХУ Ш, 110); А поваренного заводу взято у него, Ивана, пять котловъ седуновъ по пятнатцати ведеръ (В. Устюг, 1641 г., розыск — А. посад. 267); Аггей Свиный съ товарищи на твоей великого государя винокурной поварне на Лалскомъ погосте, на Шилнге построилъ вновь винокурныхъ судовъ котель, семь седуновъ, два куба (1669 г. — ДАИ У, 423).

Слово *седун* было, очевидно, севернорусским диалектизмом, характерным для северо-восточной зоны. Сведений о его употреблении в более позднее время нет.

С конца XVII в. фиксируется слово *казан* 'котел для винокурения' (тур., тат. *kazan* 'котел' — Фасмер П, 159). В настоящее время представлено также в украинском, белорусском, болгарском, македонском и сербохорватском языке (ЭСРЯ, 8, 16). В XVII веке имело местный характер, отмечается в деловой письменности юга России и Поволжья, например: Въ той же житнице II казановъ медныхъ болшихъ, къ темъ же козанамъ 20 трубъ (Кромь, 1689 г., сказка — Д. Шакл. П, 622); Семь казановъ медныхъ, котель пивной (Орел, 1699 г., чел. — Тр. Орл. УАК VI, 31); Вино куримъ на тритицетъ казановъ да с нынешняго числа десет казанов убавили потому что хлеба купит не на што (Казан. у., 1698 г. — Гр-ки, 192); А вино, писал я, сидет на все кубы и казаны (Н. Новгород, около 1699 г. — Гр-ки, 241).

Позднее функции казана расширяются, увеличивается и территория употребления слова, ср.: *Казан* 'большой метал-

лический котел для варки пищи, нагревания воды и т. д., оренб., сарат., тамб., дон., ворон., терск., кубан., черномор., курск., орл., тул., брянск., ряз., моск., арх., свердл. и т. д. (СРНГ 12, 309).

При номинации типов котлов учитывается и такой важный признак, как материал для изготовления. Наиболее распространены были медные котлы, отсюда названия с корнем *мед-*: *медница* (с XV в.), *меденик* и *медяница* (с XVI в.), *медник* (около 1550 г.), *меденичек* (с XVII в.) и *медяник* (с 1663 г.; значение 'котел' историческими словарями не засвидетельствовано). Вариантность отдельных слов обусловлена фонетико-деривационными причинами. Между собой лексемы различались временем активного бытования в речи и сферой использования.

Медница и *медяница* функционировали в профессиональной литературе, но редко; в других разновидностях письменности употреблялись окказионально, см., например: Единь держаше медяницу белу красну и дивну велми (XVI в., Ж. Андр. Юрод. — ВМЧ, окт. 1—3, 223); Въ питейной продажи медницы, кварталы, кгарницы чтобъ по всему государству нашему... были ровны (XVII в. — Лит. сб. 105). Внешний вид и функции этой посуды в текстах не конкретизируются, так как для авторов текстов важно было выразить только идею «медный (сосуд)».

Меде/и/никъ — *медяникъ*, *медникъ* — наиболее частые слова из отмеченных. Область их употребления — деловая письменность Севера, изредка московские акты. См. примеры: два медника въ хлебне (Двин. у., ок. 1550 г., оп. Коряжем. м. — АЮБ П, 640); 24 блюда оловяныхъ, 16 тарелокъ, 4 медника (Москва, 1613 г. — А. Моск. 94); Пудъ меди в котлахъ и въ тазахъ и въ меденикахъ зеленой красной (Енисейск, 1687 г. — Росп. цен, 65); Медяникъ въ два ведра, четыре медяника по ведру (Вологда, 1663 г. — Оп. арх. 100); Отведено четыре котла варчих медныхъ з дугами да меденик варчей весом всего пуд (Онега, 1688 г., арх. Он. Крест. м. — КДРС); А судов котель меденикъ съ кровлею (XVII в. — Дом. Свад., 185); И выпрося у него меденика курит вино (Верхотурье, 1695 г., А. Верхот. съж. избы, карт. 39 — КДРС).

Возможно, *медником* называли не только котлы, но и другие типы медной посуды, ср.: Банное судно, в котором теплою водою моются — медникъ (1731 г. — Вейсман, 64).

Деминутив *меденичек* обнаружен в хозяйственном руко-

водстве XVII в.: Положи ту кожуру в меденичекъ и налей ея виномъ добрымъ и поста/ви/ в печь (Указ о промысле, 2 — КДРС).

Медник, медяник — медный или глиняный котел, горшок для воды, кваса и проч. обнаруживаем в архангельских, тверских, Кировских, вологодских, уральских и сибирских говорах (СРНГ 18, 70, 76).

Сковорода — металлическое или глиняное блюдо, предназначенное главным образом для приготовления первых и вторых блюд путем печенья или жаренья, это основное по употребительности слово в ряду однокоренных, см.: *сковрада* — с 1280 г., *сковорода* — 80 г. XI в. (ср.: с 1551 г. — Срезн. III, 376), *сковородка* — с 1559 г., *сковородочка* — с 1612 г., *сковороденко* — с 1670 г.; последние два слова историческими словарями не фиксируются.

Неполногласный вариант *сковрада* в XVI—XVII вв. употребляется в архаично-книжных текстах религиозного содержания, где чаще обозначает орудие пытки, чем кухонную утварь. Приведем несколько примеров: На сковраде испеченое нечто приносят (I четв. XVI в., Кормчая Балаш. 452 — КДРС); Куплено две сковрады новых (Двин. у., 1673 г., А. Он. Крест. м. — КДРС).

Сковорода впервые отмечено в берестяной грамоте, см.: Отъ Нежате вишне и вина и гароусь. и моукоу, кожоухъ Ивань и сковородоу (Бер. гр. № 586 — Археолог. отк. 1980. М., 1981, 37). Приведем несколько примеров, позволяющих очертить семантический объем слова и круг текстов, где оно чаще используется; 3 лососи, сковорода рукоятная да топорь (Новгород. у., 1500 г. — Кн. пер. Водск. пят. III, 502); Две сковороды блинных да шесть понев (Яросл. у., 1543 г., правая гр. — Лих. 196); А в сковородах рыба свежая по 2 звена на брата, а сковорода четверем братом, с перцом (Моск. у., XVI в., обиходник Волоцкого м. — Тих. Мон. воч., 136); За столомъ у государя патриарха ели в крестовой... 3 сковороды штей съ снятками (Москва, 1623—24 гг. — Стол. п. Филарета, 73).

С конца XVI в. слово попадает в словари: Скаварада (Сл. 1586 г., 153); Сковорода (Вейсман, 108).

Слово *сковородка* было распространено не меньше, чем *сковорода*, и, по-видимому, лексикализовалось, употребляясь без оттенка уменьшительности в значении. Ср.: Две сковород-

ки медяные обе стороны лужены (Двин. у., 1559 г., кн. расх. Корел. м., № 935, л. 34 об — КДРС); А послано к нему ест-вы всякие на 32 блюдех и в сковородках серебряных (Москва, 1604 г., прием послов — Рус.-кавк., 409); Да сковородка медная кисель варят (Кириллов, 1601 г., кн. переп. К. — Бел. м. — ГПБ, ф. 351, № 71/1310, л. 363); Вологодские стрельцы явили продать... 10 сковородок глиняных (В. Устюг, 1651 г. — ТК П, 55).

Тексты показывают, что сковорода, сковородка была не только металлической, но и глиняной посудой, в ней не только жарили и пекли, но и варили жидкую пищу, использовали в качестве кухонной утвари, а также в составе столового прибора. Разнообразие функций, выполняемых сковородами, требовало разнообразия их внешнего вида: по размерам, по высоте боковых стенок, по качеству отделки внутренней поверхности. Одна из разновидностей сковород получила особое название *блинная сковорода*, см.: Купилъ сковороду блинную нову на домашней обиходъ (Дорогобуж, 1589 г., кн. расх. Болд. м., 76 — КДРС). Оно употреблялось довольно часто. Другие сочетания: *сковорода естовная*, *яцкая* — носят окказиональный характер. Глубокие сковородки типа плошек использовались, например, в Белозерске в качестве питейных сосудов: Да целовалник Костя Якшин в роспросе сказал: сидить де онъ у гсдва питья в сковородошной, продает вино в сковородки... взял де вина полсковородки (Белозерск, 1633 г., суд. запись — ЛОИИ, ф. 194, карт. 5, № 21).

Уменьшительные образования *сковородочка* и *сковороденка* редки в текстах, см. их первые употребления: 2 сковородки черныхъ болшихъ, да сковорода луженая, да 2 сковородочки малыхъ (1612 г. — АИ II, 406); Две сковороденки железные цена два алтна (Белозерск, 1670 г., А. Белоз. съезж. избы, — к. № 13 — КДРС).

Некоторое время *сковорода* могла испытывать конкуренцию со стороны западнославянского слова *панев* 'металлическая сковорода, котел', зафиксированного в житийных текстах XV в. (Срезн. II, 876; ср. чеш. *paneč* «сковорода, противень», польск. *panew* «сковорода»). В конце XVII в. это слово снова наблюдается в русском языке как местное (тихвинское) в форме *панна* (может быть, под влиянием *канна*, функционировавшего во второй половине XVII в.), см., например: Явил тихфинец Иван Онтонов из-за свейского рубежа товару 21 круг меди волоченной зеленой да панна новая с

накрышкой и с трубами красной меди (Тихвин, 1688 г., кн. там. Тихв. м. — Рус.-швед. экон. отн. 480); панна оловяная двадцать пять фунтов (Тихвин, 1699 г., кн. там. Тихв. м., № 1175, л. 33 об. — КДРС); Да панна медная перозжая весом 10 пуд (Тихвин, 1699 г., кн. там. Тихв. м. — Рус.-швед. экон. отн., 537). Продолжения в истории русского языка слово *панна*, кажется, не имело.

Функционально близка к сковородке латка. Но латки делали исключительно из глины. В отличие от общерусского *сковорода* слово *латка* было новгородским по месту первоначального бытования и распространилось на путях новгородской колонизации Севера: Валдай, Онега, Подвинье, Устюг. Латка — общеславянская лексема, от праславянского **laty* (Фасмер II, 465). В текстах XIV—XVI вв. отмечаются однокоренные *латы*, *латъвь* 'горшок' (Срезн. II, 12), *латва* (Сл. РЯ XI—XVII вв. 8, 178), например: Оуху вълъя въ латъвь (Суд. XVI в. — Востоков I, 197). Вообще же эти слова для письменности XVI—XVII вв. нехарактерны.

Латка впервые отмечено в литературно-художественных и религиозных сочинениях XIV в. (Срезн. II, 12) в значении 'столовая и поваренная посуда'. Как столовая посуда латки употреблялись в крестьянском быту, в основном же они служили для приготовления и хранения пищи. См. примеры: Купил в колачню 60 ладок глиняных (Кириллов, 1568 г., кн. расх. К.-Бел. м., № 2 — КДРС); Куплена муравая латка дана алтын (Валдай, 1668 г., кн. расх. Ивер. м., № 53, л. 123 — КДРС); Куплено святому владыке семянного масла 3 фунта с четвертью у Ивана Гаврилова, зырянина, дано за масло и с латкою 3 алт. (В. Устюг, 1682 г., кн. пр.-расх. арх. — АХУ II, 1044). В целом количество фиксаций слова *латка* в текстах XVI—XVII вв. невелико. Вероятно, ранее оно употреблялось чаще, поскольку проникло в тексты художественного и богословского содержания. В связи с появлением новых типов сосудов, особенно металлических и стеклянных, под влиянием конкуренции со стороны новых слов *латка* превращается в регионализм разговорного характера.

В современных севернорусских говорах *латка* 'посуда для жарения; миска, плошка и т. п.' сохраняется до сих пор (СРНГ 16, 288—289). Известно оно было и в XVIII в.: Латка — плошка, черепен (I пол. XVII в. — Рук. лекс. 162).

Слово *плошка* (с 1577 г., в исторических словарях не приводится) имело общее значение 'глиняная широкая посуда с

невысокими краями', которое конкретизировалось в зависимости от функции реалии. Так, в севернорусских актах это 'кухонная посуда для приготовления жареного и печеного, тип невысокой ладки', см., например: Купил... пят гривенок масла дал четыре алтны четыре денги да плошек короваинных да горшков (Волог. у., 1577 г., кн. прих.-расх. Корн.-Комел. м., оп. Барсова, № 100, л. 12 — КДРС); Куплено в обиходную поварню пять плошекъ болших мясо жарит дано три алтна (Вологда, 1668 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 43, л. 42 об.). Вероятно, в этом значении слово *плошка* было вологодским диалектизмом.

Плошка 'низкий широкий питейный сосуд, чаще глиняный' представлено в западной части среднерусской и южнорусской территории, а также в Поволжье (Дедилов, Ст. Оскол, Калязин, Владимир, Симбирск, Саранск), см., например: Да плошекъ и чарок по кабакомъ изошло на рубль (Ст. Оскол, 1652 г., кн. там. — Южн. там., 259); Да на нагорномъ кабаке... 840 плошекъ, 106 ковшовъ малои руки (Симбирск, 1667 г. — Кн. пр.-расх. Синб. приказн. избы, 166); В Саранску на кружечнай двор для питухов куплено тысеча плошак глиненые да пятьсот чарак деревяных (Саранск, 1692 г. — Саранск. ТК, 34).

Плошка 'питейный сосуд и посуда для ремесленных нужд' наблюдается в московских актах, см.: Куплено великому государю вверхъ въ переднюю къ стенному письму десять плошакъ мурамленыхъ (Москва, 1666 г., кн. расх. — Успен. Цар. икон. III, 318); Смотреть накрепко, чтобъ на отдаточномъ дворе и по фартеннымъ избамъ и въ водочныхъ палатахъ никто съ кувшинами и съ плошками и съ ковшиками не ходили (Москва, 1698 г., указ царя — ПСЗ III, 472); Крылосские люди живут не богато, нажитку не имеют, только у нас плошки да ложки (Калязин, конец XVII в., Калязинская челобитная — Рус. архив, 1873, № 9, 1782).

Позднее *плошка* становится общерусским словом (Даль III, 130).

Веко — 'металлическая большая емкость, круглая или продолговатая, типа блюда или подноса, с невысокими краями, для хранения и приготовления пищи, с крышкой и ручками', является общеславянским словом (ЭСРЯ 3, 39). В русских письменных источниках употребляется с 1553 г. Указанное выше значение выявлено по контекстам. Предполагаемое значение 'лукошко, лубяная коробка для продуктов' (Сл. РЯ XI—XVII вв.,

2,55) источниками не подтверждается. В старорусский период это преимущественно кухонная посуда, см. ее функции и описание внешнего вида: Поделывал века повареново железново дано от него мастеру и за железо алтын (Кострома, ок. 1553 г. — Кн. расх. Ипат. м., 131); Купил веко медное ново лужено (Кириллов, 1567 г., кн. расх. К.-Бел. м. — Ник. 2, 15); Въ поварне в естовной суды... два противня да веко пирожное медяное (Весьегонск, 1575 г. Оп. Краснохолм. м., 54); В столе и в веке въ хлебномъ и по полицамъ, и по чюланомъ, и по залавкам крохи и остатки... ключник доброй все то обирает (н. XVII в. — Дом. К., 42); 2 века, одно долгое другое круглое (Москва, 1608 г. — Оп. им. Тат., 22); Починивал медной мастер большое хлебное веко что греют воду на хлебы (Вологда, 1640 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 19, л. 227); Веко медное..., а то веко живеть у архиепископа вверху: в летнее время держать въ немъ квась во льду (Вологда, 1663 г. — Оп. им. арх. 104); Въ хлебне медной посуды... 16 векъ пражелных болших и малыхъ (Москва, 1677 г. — Оп. аптек. 62); 16 векъ круглыхъ и четвероугольныхъ луженыхъ... те все века посланы въ Путивль и въ Севескъ для ковардащного дела (Москва, 1683 г., цар. наказ — ДТП I 794).

В XVI—XVII вв. *веко* 'вид поваренной посуды' было употребительным словом. Позднее оно приобретает узкодиалектный характер: *Веко* 'чашка, в которой валяют хлеб перед выпечкой', твер., арх. (СРНГ 4, 101). Это можно объяснить усилением роли слов *противень*, *сковорода*. Одновременно в говорах наблюдается возрастание лексемы *веко* 'лукошко'; 'крышка лукошка' (СРНГ 4, 101), которая в исторических текстах в явном виде не обнаружена, хотя *веко хлебное* или *веко дорожное*, служащее для перевозки посуды, известные по текстам XVII в., могли иметь вид лукошка (см. вышеприведенные примеры).

Известно также использование века как подноса, лотка, см., например: 3 тарелки серебряныхъ чеканныхъ веко серебряное прорезное, а несены на техъ торелкахъ запана да двои часы, а на веки рукавицы и чюлки (Москва, 1675 г. — ПДС V, 183); Торговые люди ныне торгуютъ... поставя шалаши и скамьи, рундуки, и на веках всякими разными товары (Москва, 1676 г., указ царя — ПСЗ II, 76); Торгуеть де онъ противъ овощного ряду на векахъ всякимъ щепеньемъ (Москва, 1711 г., — Док. нем. шк. 165 — КДРС). Значение

'лоток, ящик для продаваемых товаров' известно позднее в вологодских говорах (СРНГ 4, 101).

Деминутив *вечко* обозначал поднос малых размеров, см.: Пять блюдецъ малыхъ икорныхъ, судки столовые на вечке (1638 г. — Арх. Стр. II, 968).

Веко и *вечко* наблюдаются в письменности Севера, Средней Руси, Рязани.

По фонетико-морфологическим соображениям деминутив (вторичный) от *вечко* выглядит как *векошник* 'небольшая мерная кухонная чашка' (с 1613 г.), это редкое слово, отмечено только в московских актах, см.: Въ рыбной день подается государю въ столъ... векошникъ снятковъ, на блюдо векошникъ ягодь (Москва, 1613 г., роспись цар. кушаньям — АИ II, 429). *Векошник* в данном значении в говорах не отмечается.

Противень — 'большой металлический четвероугольный поднос для приготовления горячей пищи'. От сковороды отличался формой и более крупными размерами. В отличие от века имел более низкие края. Слово *противень* заимствовано из немецкого языка (*Bratpfanne*), затем подверглось фонетическому переоформлению под влиянием слова *против* (КЭСРЯ, 273). В письменных источниках наблюдается с 1576 г., в исторических словарях отсутствует. См. примеры: Ключнику Фетче дал от поделки от горшка да от противня 3 алтына (Волоколамск, 1576 г., кн. пр.-расх. Иос.-Вол. м., № 1028, л. 69—69 об. — КДРС); Починиваль противень, скобу и рукоядь приделываль; зделалъ две покрышки медныхъ въ поварню на противни (В. Новгород, 1651 г. — Кн. расх. митр. Ник., 53); Взял с поварни поваренных судов: три противня по ведру (Вологда, 1658 г., роспись — ОВС XI, 67); Да медныхъ судовъ, въ чемъ сахаръ льють: 8 противней (Москва, 1676 г., аптек. двор — ДТП I, 213). Позднее размеры противня уменьшились.

В современном русском языке наблюдается иное семантическое отношение между рассмотренными словами. Вместо старорусского разграничения по объему (от большего к меньшему): *противень* — *веко* — *сковорода* — сложилось противопоставление по объему и форме: *противень* 'большая четырехугольная емкость' — *сковорода* 'небольшая круглая емкость'. *Веко* утратило значение 'металлическая посуда для приготовления горячей пищи' и выпало из этого ряда.

Каравайник 'круглая сковорода для выпечки каравая' — редкое в старорусской письменности слово. Отмечается с 1676 г. (ср.: с 1689 г. — Сл. РЯ XI—XVII вв., 7, 334), например: Веко пирожное, коровайникъ (Белозер. у., 1676 г. — Д. патр. Никона, 388); Въ винной полате... 2 горшечка да 5 покрышекъ медныхъ да 3 каравайника (Москва, 1689 г., оп. им. Голицыных — Д. Шакл. IV, 115). *Каравайник* — посуда узкого назначения, такого рода утварь встречается только в описях имущества богатых людей. Позднее слово *каравайник* отмечается на севере и востоке России, а также в Твери (СРНГ 13, 66).

Решетки (во мн. ч.) — 'кухонная утварь из решеток для горячего приготовления рыбы', это специфическое севернорусское слово. К первым его фиксациям следует отнести запись в парижском словаре московитов 1586 г., написанном на основе двинского говора, см.: Une grille Rosoqua, то есть рес'отка (Сл. 1586 г., 164). Здесь слово находится в группе кухонной посуды между лексемами *скаварада* и *упаловник*. По мнению издателя Б. А. Ларина, *решетка* выделяется тематически из этой группы, поскольку обозначает 'часть изгороди, ворот и т. п.'. Однако французское *gril* имеет среди прочих значение 'решетка для жаренья, жаровня', ср.: *grille* 'поджаренный', *grille* 'решетка в топке' (Французско-русский словарь. Сост. К. А. Геншина. М., 1957, 402). Упоминается решетка в «Домострое», что лишний раз свидетельствует о создании этого памятника на севернорусской территории, см.: Таганы и решотки и чюмичи и корцы все было чисто (н. XVII в. — Дом. К., 47). См. еще примеры: Решетки железные на чемъ рыбу пекутъ (Кириллов, 1601 г., кн. переп. К.-Бел. м. — ГПБ, ф. 351, № 71/1310, л. 373); Две решетки, на чемъ рыбу жарятъ (Кириллов, 1676 г., росп. им. Никона — Д. патр. Никона, 389). О функционировании слова *решетки* в указанном значении в более позднее время нам не известно.

В быту знати употреблялась иноземная кухонная посуда, с которой связаны редкие экзотические слова. К таким относится *роскеп* 'металлическая посуда типа глубокой сковородки для жарения рыбы', ср. нем. *rösten* 'жарить, поджаривать', *Kiepe* 'короб, корзина' (Немецко-русский словарь. Под ред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой. М., 1964, 693, 489). Пока известно два примера употребления слова *роскеп*: Сковаль изъ своего железа три роскепа въ чемъ рыбу жарятъ (В. Новгород, 1651 г. — Кн. расх. митр. Ник. 49); Въ поварне жъ... 14

роскеповъ, что рыбу жарять (Москва, 1676 г., оп. аптек. двора — ДТП I, 211). Позднее в говорах *роскеп* не обнаружено.

Конобъ 'металлический котел для нагревания пищи и воды, а также для хранения и переноски' употребляется в текстах с XI в. (Срезн. I, 1269). Происхождение его признано неясным (Фасмер II, 311), хотя еще И. И. Срезневский обратил внимание на связь с латинским *сапава* 'корчма, шинок' (там же). В древнерусский период слово активно употреблялось в церковно-религиозных текстах, отсюда попало в первые лексиконы, см.: *Конобъ* — водонос (XIII в. — Новг. сл. 121); *Конобъ* водонос (др. сп.: коновъ); *Конобъ* водоносъ или котель (к. XIV в. — Речь жид. 404, 414); *Конобъ* — котел (Зиз. 177); *Конобъ*: медяный горнецъ, котель (Бер. 54, 253). См. другие примеры: И прихожаше отрокъ иереевъ дондеже сварятся мяса и мясная оудица трезубна в руку его и влагая ю в конобъ меденый (Хр. 1512 г., 102). А Манасию татаровя в конобъ всадили, самово изжарить хотели... А в котле том узнал Авраамова бога (к. XVII в., кн. толкований — Ж. пр. Авв., 156). Из последнего примера явствует, что *конобъ* было синонимично слову *котель*.

Коновъ 'сосуд, подобный конобу', по мнению М. Фасмера, восходит к средне-верхненемецкому *Kanne* 'кувшин, сосуд' (Фасмер II, 311). Конов мог быть металлическим или глиняным сосудом. Слово употребляется не только в богословских текстах, но и в деловой письменности, хотя чрезвычайно редко, см.: Повеле црь принести конов и воляти вон масло и подгнетити зело и вложити вон мчнка Георгии (XVI в. — Пам. отр. лит. II, 106); 2 конови цыновыхъ яндовочка медяная (1612 г. — АИ II, 406). *Конобъ* и *коновъ* можно отнести к фактам общерусского значения. *Коновъ* наблюдается в старорусском и старобелорусском языках³.

Уменьшительная форма *коновка* отмечена один раз в грамотке, написанной русским из Львова: До вечера ждалъ турковъ, которые в тайник по воду выходят ежедней; и как вышло их человек с шестьдесят с ведры, с коновки и с иными водяными сосудами (1684 г. — ДАИ XI, 11).

Сохраняются рассмотренные слова в говорах: *конобъ* 'кринка, кувшин, умывальник' — тамбовское; *конобъ* 'жбан, деревянная кружка' — западное (Даль II, 151); *коновъ*, *конов-*

³ Борисова Е. Н. Лексика Смоленского края..., 52.

ка 'сосуд типа кружки' — в псковских, новгородских, тверских, владимирских, калужских, воронежских и курских говорах, известно на Дону и Урале (СРНГ 14, 261). Эти данные подтверждают реальность предметов, называемых анализируемыми словами в старорусский период, и свидетельствуют о переходе части лексем из общерусского фонда архаично-книжной лексики в диалектизм.

Особую группу наименований кухонной утвари составляют названия черпаков.

Поварница 'металлический или деревянный уполовник, разливательная ложка' образовано от *поварный*, употребляется с 1576 г., в исторических словарях не представлено. Отмечается в деловой письменности Севера: Псков, Вологда, Подвинье, В. Устюг, Тихвин, Онега, Чердынь, Енисейск, Иркутск, Якутск. См. иллюстрации: Купил 50 ковшей без дву, да 50 поварниц без одное (Волог. у., 1576 г., кн. расх. С.-Прил. м. — ВХК XV в., 297); Григорей выкрал три братыни красные подержанные да поварница поваренная долгостебелая (Устюг, 1632 г. — АХУ III, 116—117); 2 поварницы железны ветхи чем сокъ черпають (Чердынь, 1646 г., Собр. Гамеля, № 59 доп. сст. 7 — КДРС); Купил в поварню ественную поварницу железную; Купил поварницъ деревянныхъ десяток (Волог. у., 1665 г., кн. пр.-расх. С.-Прил. м. — ГАВО, ф. 512, № 59, л. 89 об., 90 об.). Ср.: поварница — чюмичь (1757 г. — Сл. В. Устюга, 4). *Поварница* зафиксировано в вологодских говорах (Даль III, 141).

Со второй половины XVII в. на той же территории появляется слово *поваренка* (с 1664 г.), также пока не зафиксированное исследователями. Это был вариант с уменьшительным значением, вскоре лексикализовавшийся и постепенно вытеснивший *поварницу*, см. примеры: Купил три поваренки в обиход (Вологда, 1664 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 39, л. 3); Поваренка железная, дано алтын 2 д. (В. Устюг, 1688 г. — АХУ II, 1237); Поваренокъ древяныхъ куплено на В де (Кириллов, 1683 г., кн. пр.-расх. в с. Антушево — ГАЛО, ф. 251, оп. 1, № 570, л. 3).

Позднее слово *поваренка* употребляется без территориальных ограничений (Даль III, 141).

Не сразу появился общерусский эквивалент к рассмотренным словам. С 1073 г. в письменности отмечается *упольник* 'уполовник, ковш на длинной рукоятке' (Срезн. III, 1242), не сохранившееся в старорусский период. Его продолжает ред-

кое в XVI—XVII вв. *уполоник*, *уполуник*, *аполоник* (с 1406 г.), характерное для южнорусских и смоленских источников, см., например: Ли оуполоником черпяя премерити море (1406 г. — Палея толк., 41); десят уполуников железных (Курск, 1624 г. — Южн. там. 130); Да куплено сковорода, два уполоника, рогачь (Рязань, 1687 г. — Кн. пр.-расх. Бог. м., 235). Смоленское *аполоник*, возникшее под влиянием белорусского языка, выявила Е. Н. Борисова⁴. С конца XVI в. письменность отражает форму с корневым наращением -ов-: *уполовник* (ср. *уполовить* 'разделить пополам, отбавить, взять половину' — Даль IV, 503). Первой фиксацией этого слова можно считать запись в словаре москвитов 1586 г., составленном французом в Николо-Корельском монастыре: Упаломник (Сл. 1586 г. 154). Заметим, что по фотографии с текста, приведенной в публикации словаря 1586 г., слово, прочитанное Б. А. Лариным как Оупаллотенисг, можно читать и как Оупалловенисг (Сл. 1586 г., табл. 3). Первые употребления слова связаны с севернорусской территорией: Кириллов, Тотьма, Вологда. Во второй половине XVII в. *уполовник* отмечается в Валдае, Москве, Хлынове, Кашире, Олексине, Рязани. См. несколько примеров: Ковши, чем квас разливают, уполовник, корцы деревянные (Кириллов, 1601 г., оп. им. К.-Бел. — Ник. I, 269); Купили уполовникъ железной (Тотьма, 1607 г., кн. пр.-расх. сол. пр. — ГАВО, ф. 512, оп. I, № 6, л. 46 об.); Купил уполовникъ деревянной (Вологда, 1648 г., кн.-пр.-расх. арх. — ВОКМ, № 2167, л. 224); Ни моря уполовником вылияти, ни нашим иманием твоего дому истошити (др. вариант: уполовнею, чашею — Моление Дан. Зат. Сл., 211). В конце XVII в. *уполовник* употребляется и как термин литейщиков: 5 уполовников железных больших, черпают ими ис плавильной печи чугуи и льют ядра (Олексин. у., 1690 г., кн. отказн. — КМР I, 134).

Ср. определения слова в словарях XVII—XVIII вв.: Мисюръ — чюмичь, еже есть уполовник (XVII в., Алф. 446, 141 — КДРС); Поварская ложка — уполовник (Вейсман, 339).

Вариант женского рода *уполовня* обнаружен в письменности Тихвина (всего 4 примера), см.: Яв/ил/ устюженецъ Павел Яковлев снъ. 4 уполовни (Тихвин, 1626 г., кн. там. Тихв. м., № 3, л. 149 об. — КДРС); Явиль устюженец Иванъ

⁴ Там же.

Моисеевъ Р уполовен и корцов (Тихвин, 1668 г., кн. там. Тихв. м., № 317, л. 19 — КДРС).

Обнаружен в письменных источниках деминутив *уполовничекъ*, см. Цедилочька с воронкою да уполовничок внутри вызолочены (1677г. — Оп. им. Матв. 10).

Отражает письменность и редкий вариант *половник*, связанный с живой речью москвичей и смолян, см., например: Скворода да половникъ железные (Москва, 1686 г., роспись — ДАИ XII, 214)⁵.

В XIX в. *уполовник* и *уполовня* 'поваренка, чумичка, ковш на долгой рукоятке, черпачок у стряпух' употребляются без территориальных ограничений (Даль IV, 503).

Широко употребляются в старорусский период слова с корнем *чум-*: *чум*, *чюмокъ* (с 1328 г.), *чюмиць* (с 1563 г.), *чюмикъ* (с 1657 г.).

Чумъ, *чюмокъ* 'ковш с ручкой, для питья' — архаичное слово, в XVI—XVII вв. употребляется редко. См., например: (1250 г.): Присла вина чюмъ и рече: не обыкши пити молока или вино (XV в. — Ипат. лет., 807); Явилъ устюженец Мартинъ Июдинъ бадю меду пядесят сковородок семдеят чюмов и корцовъ (Тихвин, 1664 г., кн. там. Тихвин. м., № 273, 17 об. — КДРС).

Чюмиць 'металлическая, реже деревянная поварская ложка с длинной ручкой' — самое употребительное слово среди однокоренных. Приведем несколько примеров, выявляющих его семантику: Починивал мастер пят котлов да чюмич железной (Двин. у., 1563 г., кн. расх. Корел. м., № 937, л. 46 об. — КДРС); Роспись царским кушаньям... 2 чюмича кислицы крошеные (Москва, 1613 г. — АИ II, 428); Купил повар Саврас на пустош Мохнино чюмич деревянной (Вологда, 1640 г., кн. пр.-расх. арх. — ГАВО, ф. 883, № 19, л. 317); Четыре чюмича, чем щи и молоко черпають (Онега, 1688 г., кн. ир.-расх. Он. Крест. м. — КДРС). Территория его употребления по письменным фиксациям: Подвинье, Кириллов, Вологда, Тихвин, Волоколамск, Москва, Дорогобуж, Псков, то есть севернорусская территория, западная часть средне-русской и крайний запад южнорусской.

Выявленные факты не дают четкого представления об отличии чюмича от уполовника, можно думать, что *чюмич*

⁵ См. смоленские примеры в кн.: Борисова Е. Н. Указ. соч., 52.

чаще выступал как ковш для черпания жидкой пищи. Ср.: Чумичь — уполовниковъ сынъ (1741 г., — Посл. Богданова, 120 об. — КДРС).

В тихвинских таможенных книгах зарегистрировано 4 примера со словом *чюмик*, например: Явил... Н чюмиковъ (Тихвин, 1657 г., кн. там. Тихв. м., № 217, л. 14 об. — КДРС). Все примеры однообразны по содержанию.

В старорусский период еще не получило распространения слово *чюмичка*, см. единственный пример в «Домострое»; Решетки и чюмички и карци и все бы было чисто (XVI в. — Дом. 51, др. вариант: чюмичи). Впоследствии *чюмичка* 'большая разливательная ложка, поварешка' употребляется очень широко (Даль IV, 614).

Наблюдается в письменности деминутив *чюмичокъ*: Дано медному мастеру Мокею Вологжанину... два чюмичка лудиль (В. Новгород, 1651 г. — Кн. расх. митр. Ник. 47).

Большое корневое гнездо составляют слова с корнем *черп-*, отраженные в письменности XVI—XVII вв., но не зарегистрированные историческими словарями.

Черпало (1515 г.) в соответствии с семантикой словообразовательной модели (ср.: носило, опоясало, солило и т. п.) было родовым названием черпаков, но употреблялось редко, см.: Князь великий Василей Иванович всеа Руси послал к тебе... ковш серебрян да черпало серебряно (Москва, 1515 г. — Крым. д. II, 193). В лексиконах XVII—XVIII вв. находим: Чръпало: почръпало, ведро (Бер. 156); Почерпало... черпало (Поликарп. 506, 712).

Деминутив *черпальце* обнаруживаем в деловых документах начала XVI в.: Ты бы ныне ко мне серебряну чару прислал, в которую бы два ведра вмещались, да и с черпалцом серебряным (Москва, 1509 г., ст. список — Крым. д. II, 25).

В языке XIX в. *черпало*, *черпальце* употребляются без ограничения (Даль IV, 596).

Черпня 'металлический столовый сосуд для черпанья' зарегистрировано одним примером: Да въ трапезе... 10 братин медяных же да черпня медяная ж (Весьегонск, 1575 г. — Оп. Краснохолм. м., 52). Ср.: Черпня, вят. Колодезная бадья (Даль IV, 596).

Во второй половине XVII в. в московских актах фиксируются слова *черпашка* и *черпалка*: Винокурня... 2 кадки сосновых, 7 черпашек, 6 ковшей (Моск. у., 1676 г. — ДТП I,

239); У всякаго источника сделаны черпалки медныя на железныхъ чепяхъ (1698 г. — Дн. Толстого 2, 255).

В словарях XVII в. упоминаются *вареха* и *мисюрь* (Сл. РЯ XI—XVII вв. 2, 20; 9, 179), пока не обнаруженные в текстах.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы:

1. Наибольшей активностью в языке XVI—XVII вв. отличаются слова древнего происхождения, уходящие корнями в праславянскую эпоху и имеющие соответствия в других славянских языках. Прежде всего из числа этих слов складываются общерусские наименования. Образование рассмотренных лексем происходило на основе следующих принципов номинации: по материалу или способу изготовления, по содержанию. Названия иноязычного происхождения в целом встречаются реже, чем русские или славянские.

2. В составе предметно-бытовой лексики XVI—XVII вв. можно выделить четыре группы слов: лексемы активного употребления общерусского распространения, книжно-архаичные слова, диалектизмы, экзотические иноязычные заимствования. Наблюдается контекстуальная закреплённость книжно-архаичных слов, их употребление в словесных рядах строго определенной жанрово-стилистической структуры, представленной преимущественно в сфере церковно-религиозной литературы.

3. Динамические процессы в анализируемой лексике в значительной степени зависели от экстралингвистических причин и прежде всего от появления новых типов посуды, но конкретное протекание этих процессов определялось составом лексико-семантических групп, сферой распространения слов и т. п., например, *латка*, *плошка* и др. В других случаях влияние экстралингвистического фактора не столь очевидно, но заметнее давление лексической системы, это проявилось, например, в изменении семантических отношений между словами *сковорода* — *противень* после выпадения из общерусского литературного употребления слова *веко* 'разновидность кухонной посуды', см. также борьбу вариантов *поварница* и *поваренка* и т. д.

4. В формировании фонда лексем общерусского характера имело место преодоление некоторых фонетико-словообразовательных ограничений и конкуренции со стороны лексем

регионального характера, показательной в этом отношении является судьба слова *уполовник*.

5. Наблюдается естественный для предметно-бытовой лексики процесс территориального распределения лексем или лексико-семантических вариантов, позволяющий вычленить лексемы узкорегionalного распространения, изоглоссы, известные целому ряду говоров, а также отдельные диалектные зоны. Так, противопоставление зоны севернорусских говоров зоне южнорусского наречия основано на следующих диалектных словах: север: *плошка* 'посуда для жарения', *решетки* 'приспособление для жарения и печения', *поварница* и *поваренка*; юг: *казан* 'котел для винокурения', *плошка* 'питейный сосуд', *уполоник* 'разливательная ложка'. Наблюдается противопоставление лексем и на близко соседствующих территориях, так, на востоке севернорусской территории котел для винокурения носит название *седун*, а на востоке южнорусской территории и в Поволжье — *казан*. Первенствующая роль в формировании общерусской лексической нормы принадлежала говорам средней России, особенно московскому. Некоторые слова первоначально бытовали на севернорусской территории, а уже затем приобрели общерусский характер.

6. Широкое привлечение материалов, связанных с разными территориями России, позволило выявить несколько слов, ранее не изученных исследователями, а также уточнить время первой фиксации ряда слов, а иногда и их семантику.

7. Лучше отражают анализируемую лексику деловые тексты. Непосредственная связь деловой речи с практикой «повседневного глаголанья» способствовала проникновению в деловые тексты большого числа уменьшительных образований.

Список источников с сокращениями названий

А. Моск. — Акты времени междоусобицы. Смутное время Московского государства. — ЧОИДР, 1915, кн. 4, отд. I, с. 1—200.

А. посад. — Павлов-Сильванский Н. П. Акты о посадских людях-закладчиках. СПб., 1909.

АФХЗ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I—III. М., 1951—1961.

АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1—3. СПб., 1857—1884.

Бер. — Лексикон Славенороський Памвы Берынды. Киев, 1961.

Вейсман — Вейсман Э. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка. СПб., 1731.

- Вивл. — Древняя российская вивлиофика... изд. 2, ч. XII. М., 1790.
- ВМЧ — Великие Минеи-Четии, собр. митр. Макарием. М.—СПб., 1868—1917.
- Востоков — Востоков А. Ф. Словарь церковнославянского языка, т. 1. СПб., 1858.
- ГАЛО — Гос. архив Ленинградской области.
- Гр-ки — Грамотки XVII — начала XVIII века. М.: Наука, 1969.
- ДАИ — Доп. к. Актам истор., ..., т. 1—12. СПб., 1846—1875.
- Дн. Толстого — Путешествие стольника П. А. Толстого. 1697—1699. — Рус. архив, 1888, кн. 1—2.
- Дом. — Домострой по сп. ОИДР. — ЧОИДР, 1881, кн. 2, с. 1—165.
- Дом. К. — Домострой по Коншинскому списку и под. — ЧОИДР, 1908, кн. 2, с. 1—61.
- Дом. Свод. — Чины на свадьбе. Домострой по сп. ОИДР. — ЧОИДР, 1881, кн. 2, с. 166—202.
- Д. патр. Никона — Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897.
- ДТП — Дела Тайного приказа, кн. 1—4. СПб., — Л., 1907—1926 (РИБ, т. 21—23, 38).
- Д. Шакл. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках, т. 1—4. СПб., 1884—1893.
- Ж. пр. Авв. — Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. М., 1960.
- Зиз. — Лексис сиречь речения, въкратъце събранны и из словенскаго языка на простой русский диялектъ истолкованы (Лаврентий Зизаний, 1596 г.) — Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым, т. 2, кн. 5—8. СПб., 1849, с. 121—131.
- Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. 2. М., 1962.
- КМР — Крепостная мануфактура в России, ч. 1—3. Л., 1930—1932.
- Кн. вклад. Ант.-Сийск. — Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониево-Сийского монастыря 1576—1694 гг. — ЧОИДР, 1917, кн. 2, отд. 1, с. 1—79.
- Кн. пер. Водск. пят. III. — Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины, продолж. — ВОИДР, кн. 12, 1852.
- Кн. п. Казани — Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги г. Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л., 1932.
- Кн. пр.-расх. Бог. м. — Приходо-расходные книги Богословского мон. — Тр. Рязан. уч. арх. комиссии за 1903 г., т. 18, вып. 1—2; за 1904 г., т. 19, вып. 1.
- Кн. пр.-расх. Синб. приказн. избы — Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Синбирской приказной избы) 1665—1667 гг. Симбирск, 1896.
- Кн. расх. Ипат. м. — Отрывок из расходных книг Костромского Ипатьевского монастыря, ок. 1553 г. — Сб. Археолог. ин-та, кн. 6. СПб., 1898, отд. 2, с. 127—137.
- Кн. расх. митр. Ник. — Расходная книга новгородского митрополита Никона. — ВОИДР, кн. 13, 1852, с. 1—62.
- Крым. д. II — Памятники дипломатических сношений Московского гос-ва с Крымом, нагаями и Турцией, т. 2, — Сб. РИО, т. 95. СПб., 1895.

КЭСРЯ — Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1961.

Лит. сб. — Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978.

Лих. — Лихачев Н. П. Сборник актов, собр. в архивах и библиотеках, вып. 1—2. СПб., 1895.

Новг. сл. — Новгородский словарь XIII века. (По сп. Московской синодальной кормчей 1282 г.). — Сказания русского народа, собр. И. Сахаровым, т. 2. СПб., 1849, с. 120—121.

Оп. аптек. — Опись Аптекарскому и иным дворам.... 1677 г. — Зап. отд. рус. и слав. археологии Русского археолог. об-ва, т. 2. М., 1861, с. 44—125.

Оп. им. арх. — Опись имущества вологодского архиерейского дома в половине XVII в. — Изв. Археолог. об-ва, т. 5, вып. 2. СПб., 1865, с. 96—114.

Оп. им. кн. Мстисл. — Опись имущества старицы княжны Ирины Ив. Мстиславской. — ЧОИДР, 1915, кн. 3, смесь, с. 1—6.

Оп. им. Матв. — Опись имущества боярина А. С. Матвеева. — ЧОИДР, 1900, кн. 2, смесь, с. 9—21.

Оп. им. Тат. — Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения... М. Татищева. — ВОИДР, кн. 8, 1850, смесь, с. 1—40.

Оп. Краснохолм. м. — Жизневский А. К. Древний архив Краснохолмского Антониева монастыря. — Древности, т. 8, 1880, с. 1—95.

Палея толк. — Толковая Палея 1477 г. СПб., 1892.

Пам. отр. лит. — Памятники отреченной русской литературы, т. 1—2. СПб., 1863.

ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1—8. СПб., 1856—1867.

Поликарп. — Лексикон трехязычный... Ф. Поликарпова. М., 1704.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, т. 1—3. СПб., 1830.

Пустоз. сб. — Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

Реч жид. — Речь жидовьского языка. — Ковтун Л. С. Русская лексикография эпохи средневековья. Л., 1963, с. 398—399, 418—421.

Речь тонк. греч. — Никольский Н. К. Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры конца XV—начала XVI вв. М.: 1896.

Росп. цен — Списки с товарных ценовых росписей и перечневая выписка по г. Енисейску XVII в. (1649 и 1687 гг.). — ЧОИДР, 1900, кн. 2.

Рук. лекс. — Рукописный лексикон первой половины XVIII в., подг. к печати А. П. Аверьяновой. Л., 1964.

Рус.-кавк. — Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1. М., 1889.

Рус.-швед. экон. отн. — Русско-шведские экономические отношения в XVII в. Сб. документов. М. — Л., 1960.

Сакович — Сакович С. И. Из истории торговли и промышленности России конца XVII в. М., 1956 (Тр. ГИМ, вып. 30. Книга записная мелочных товаров Московской большой таможи 1964 г.).

Саранск ТК — Саранская таможенная книга за 1692 г. Саранск, 1951.

Симони. Посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собр. и приготовил к печати П. Симони, т. 1—2. СПб., 1899 (Сб. ОРЯС, т. 66, № 7—8).

- Сказ. о самозван. — Иное сказание о самозванцах. — ВОИДР, кн. 16. М., 1853.
- Сл. В. Устюга — Симоны П. К. Материалы для истории старинной русской лексикографии. Вып. 2. Два старинных областных словаря XVIII столетия. СПб., 1899.
- Сл. 1586 г. — Б. А. Ларин. Парижский словарь москвитов 1586 г. Рига, 1948.
- Спафарий. Китай — Арсеньев Ю. Статейный список посольства Н. Спафария в Китай 1675—78 гг. — Вестн. археологии и истории, вып. 17. СПб., 1906, отд. 2, с. 162—339.
- Срезн. Опис. рук. — Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собр. для имп. АН в Олонецком крае. СПб., 1913.
- Стол. п. Филарета — Столовая книга патриарха Филарета, вып. 1—2, СПб., 1906—1909 (Старина и новизна. Ист. сборник, кн. 11, 13).
- Тих. Мон. вотч. — Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник XVI в. — В кн.: Русское государство XV—XVII веков. М.: Наука, 1973, с. 120—154.
- Тр. Ворон. УАК — Тр. Воронежской уч. архив. комиссии, вып. 5, 1914.
- Тр. Орл. УАК — Тр. Орловской уч. архив. комиссии, вып. 6, 1889.
- Успен. Цар. икон. — Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в., т. 1—4 СПб., 1906—1916 (Зап. Моск. Археолог. ин-та, т. 10, 17, 32, 39).
- Хр. 1512 г. — Хронограф редакции 1512 г. — ПСРЛ, т. 22. СПб., 1911.
- Южн. там. — Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги. М.: Наука, 1982.